

115479

Школа

И. ФРАНКО.

Лѣса и пастбища.



Изданіе Н. Е. ПАРАМОНОВА

МОСКВА

№ 76²

ЦЕНА 2 в.

Изданія Н. Парамонова „Донская Рѣчь“ въ Ростовѣ на До:

В. Алексѣевъ—Народовластіе	15	Царь-голодъ	15
Бѣлоконскій—Самоупр. и земство	5	48-й годъ въ Германіи	49
Будгакова—Японія и японцы	20	Эконом. полож. еврейск. пролет.	1
А. О. Быкова—Англія и англич.	15	Мирбо—Дурные пастыри	10
Б. Б.—Великая франц. революц.	15	Сватиковъ—Общ. движ. въ Рос.	60
Водовозовъ—Всеоб. изб. пр. на Зап.	5	Вересаевъ—Честнымъ путемъ	7
Гауптманъ—Ткачи	12	Либкнехтъ—Рѣчь о налогахъ	4
Горбуновъ—Гарантіи личной своб.	10	Книга русскаго рабочаго	12
Н. Дубровскій—Іюль 1830 г. во Фр.	7	Тунъ—Ист. револ. движ. въ Рос.	50
Живаго—Освобожденіе Швейцаріи	6	Госуд. устр. въ запад-европ. стран.	6
Звягинцевъ—Общ. движ. въ Росс.	15	Митинги въ Англіи	10
К. Каутскій—Ирландія	7	Страхованіе рабочихъ	15
К. Каутскій—Прот. клас. инт.	15	Парижская коммунa 1870—1871 гг.	10
Каутскій—Развитіе фермъ госуд.	7	Кеннанъ—Сибирь и каторга	25
Кизеветтеръ—Изъ ист. зак. въ Рос.	15	Борьба за народ. пред. въ Англіи	15
Кизеветтеръ—Рус. об. въ XVIII ст.	15	Революція въ Вѣнѣ	3
Кизеветтеръ XIX вѣкѣ въ ист. Рос.	10	Каутскій—Аграр. воп. въ Россіи	3
Кизевет.—Протопопъ Аввакумъ	8	Рубакинъ Русская исторія ч. I.	15
Кизевет.—Кузнецъ-Гражданинъ	10	» ч. II	15
Н. Карышевъ—Эконом. бесѣды	15	Впередъ Сборникъ стихотвор.	20
Мякотинъ—На зарѣ рус. общест.	15	Туровъ—Восьмич. раб. день	3
Петрушевскій—Велик. хар. вольт.	15	Кабановъ—Катехиз. англ. гражд.	6
Пругав.—Прошл. и наст. Шлис. кр.	5	Бернштейнъ—Формы хоз. жизни	8
Проксеновичъ—Длина раб. дня	5	Приказничій вопросъ въ Россіи	4
Строевъ—Моск. гос. передъ реф.	10	Васильевъ—Что такое отечество	8
Семев.—Изъ ист. общ. теч. въ 40 г.	15	Мазовецкій—Процессъ „Пролетар.“	6
Б. С.—Трудъ и Капиталь	6	Мартовъ—Пролетарскій праздн.	4
Лассаль—Сущн. конституціи	8	Жоресъ и Гэдъ—Тактика с.-демок.	5
Дарестъ—Бельгійск. конституція	7	Толстой—Исповѣдь	15
Созывъ народн. представителей	10	Сатуринъ—Ирландія	15
Лассаль—Программа работниковъ	8	Кавелинъ—Иъ ист. позем. собств.	4
Э. Шатрианъ—Ист. одного крест.	20	Ярошъ—Послѣдній король	20
Рожковъ—Ист. крѣп. права въ Рос.	10	Пругавинъ—Тайны Шлиссельбур.	
Прокоповичъ—Аграрное движеніе	5	Гемлинекъ—Бюджетное право	6
Милюковъ—Верховн. и шляхет.	15	Государственныя преступл. т. I.	50
Карѣвъ—Франц. писат. XVIII в.	10	» т. II	75
Государство будущаго		Кабановъ—О налогахъ	2
К. Каутскій—Соціалная реформа	25	»	15
		»	4
		»	4
		»	4
		»	20
		»	6
		»	20
		»	35
		»	8
		»	8
		»	10
		»	5
		»	15
		»	60
		»	25
		»	7
		»	3
		»	15
		»	4
		»	10
		»	15

И. ФРАНКО.

Лѣса и пастбища.

(Разсказъ бывшаго уполномоченнаго).

Изд. Н. Пармонова
„Донская Рѣчь“
въ Ростовѣ на Дону.

891.73 = 91.74

В07375 І15479

В07257

Чкр



Типографія «Донская Рѣчь» Ростовъ на Дону. 1906.

Лѣса и пастбища.

Разсказъ бывшаго уполномоченнаго).

Господи Боже, сколько шума было у насъ изъ-за этихъ лѣсовъ и пастбищъ! Ужъ какъ егозили помѣщики, какъ совѣтовались, подкупали инженеровъ да адвокатовъ, чтобы освободиться отъ всякой тяготы! Хитрыя головы! Они знали, что хотя цезарь ¹⁾ и далъ мужикамъ волю и отмѣнилъ барщину, а все же если они, помѣщики, не дадутъ мужикамъ лѣса и пастбищъ, такъ придется мужику или—пропадать на пшѣ, или къ нимъ „прійдите, поклонимся“, а тогда... возвратится опять барщина, хотя и въ другой одеждѣ, да для мужика она отъ этого легче не будетъ!

И что же вы думаете,—не возвратилась къ намъ барщина? Подите-ка, посмотрите на нашу деревню, такъ сами убѣдитесь. Правда, атаманы да экономы ²⁾ не ѣздятъ уже подъ окнами съ арапниками, на помѣщичьемъ дворѣ нѣтъ уже дубоваго бревна, на которомъ, бывало, каждую субботу производилась „оптовая порка“, но поглядите вы только на людей да поговорите съ ними! Сами они черные, какъ

¹⁾ Императоръ.

²⁾ Старосты и приказчики.

земля, избы ободранныя, старыя, накренились на бокъ. Заборовъ, почитай, и вовсе нѣтъ, хотя лѣсъ вокругъ деревни— что твое море; приходится людямъ окапывать усадьбы рвами да обсаживать ивами, какъ на Подольи. Скотъ жалкій, захудалый, да и то у рѣдкаго хозяина онъ есть. А спросите идущихъ съ косами или серпами: куда, молъ, идете, люди? Такъ навѣрняка отвѣтятъ: „На господское поле рожать“, или „Господекій сѣнокосъ косить“. А если вы удивитесь, какъ это такъ, что они идутъ теперь къ помѣщику работать, когда у самихъ еще и не начато, а тутъ жара, зерно осыпается,—такъ они развѣ только головами покачаютъ и скажутъ грустно: „Что же дѣлать? мы сами видимъ, и сердце болитъ, да что подѣлаешь? Мы задолжали помѣщику, а у него ужъ такъ заведено, что прежде ему отработай, хоть бы тутъ громовыя ядра летѣли, а потомъ ужъ себѣ“. Это у насъ такъ каждый годъ: помѣщику сдѣлаемъ все въ свое время и хорошо, и чисто, а наше собственное, въ это самое время, гибнетъ и пропадаетъ на полѣ. И какъ это ловко обдѣлалъ нашъ помѣщикъ! У него лѣсъ—у насъ и щепки на дворѣ нѣтъ безъ его вѣдома! У него пастбище—у насъ весь скотъ изморомъ пошелъ, перевелся, а что осталось, то бродитъ, какъ сонное. У него пахоть исправная, чистая, а наша заросла пыреемъ, горчицей да быльемъ всякимъ,—навозцу нѣтъ, чтобы подправить, скотинки тяглою нѣтъ! А еще и то: что на такомъ полѣ уродится, тоже на корнѣ пропадаетъ, потому что надо прежде всего помѣщика оправить, пока погода держитъ. И никогда мы этакъ не можемъ хлѣба припасти вдоволь, не можемъ стать на свои ноги, не можемъ вывернуться изъ-подъ помѣщичьей руки. А помѣщикъ, знай, жметъ, ухъ, жметъ изо всѣхъ силъ! Онъ у насъ теперь общиннымъ начальникомъ, а одинъ изъ его прислужниковъ—писаремъ, и весь общинный совѣтъ долженъ покоряться ихъ волѣ. Бѣдняка онъ не пуститъ изъ деревни на заработки или на службу, книжки не выдастъ: „Сиди, молъ, дома, нечего шлаться, работай у себя!“ А у себя то, конечно, нечего работать,—ступай къ помѣщику! А

помѣщикъ бухъ тебѣ десять крейцеровъ ¹⁾ въ день, въ самую страдную пору... и долженъ работать, потому некуда дѣваться! Вотъ такъ-то онъ насъ прижалъ, и, чѣмъ дальше, все больше прижимаетъ! Сами скажите, какой же тутъ еще барщины недостаетъ? Мнѣ кажется, прежняя барщина, съ розгами да съ экономами, едва ли была тяжелѣе.

А теперь послушайте, какъ онъ насъ такъ ловко обегорилъ, чтобы выпроводить въ поле и прибрать насъ къ своимъ рукамъ. Я самъ былъ при этомъ, такъ могу вамъ все толкомъ рассказать и за каждое слово готовъ хотя къ присягѣ. Вотъ послушайте!

Началась наша бѣда съ переписи, знаете, вотъ что была въ 1859 году. До того времени мы жили съ помѣщикомъ въ добромъ согласіи. Онъ боялся насъ трогать, потому что тогда еще была острастка помѣщикамъ послѣ той, знаете, мазурской, рѣзни²⁾. А намъ тоже незачѣмъ было его трогать: пастбище было, въ лѣсу мы рубили такъ, какъ и наши отцы, и все считали, что это лѣсъ общественный—даже обществомъ лѣсника содержали. Какъ, вдругъ, бацъ перепись! Знаете, народъ темный, не понимаетъ, что къ чему, испугался. Вотъ какъ теперь нашъ мужикъ все опасается, какъ бы податей не прибавили, такъ и тогда: говорятъ, будутъ переписывать не только людей, а и скотъ; ну, значить, это ужъ не къ добру!

Вотъ разъ въ воскресенье, послѣ службы, какъ это водится у насъ, выходятъ люди изъ церкви, собираются на берегу на совѣтъ. Тамъ и войтъ всегда читаетъ приказы, какіе случатся, иные люди такъ про хозяйство калякаютъ... Вдругъ, видимъ, помѣщикъ... „Такъ и такъ,—говорить,—господа общество, важное дѣло, перепись народная. Я вашъ радѣтель, я теперь такой же мужикъ, какъ и вы. Сами знаете, цезарь сравнялъ насъ всѣхъ, теперь ужъ

1) Крейцеръ— $\frac{3}{4}$ копейки.

2) Въ 1848 году былъ голодный бунтъ среди польскихъ крестьянъ (мазуровъ) въ западной Галиціи, со многими кровавыми расправами надъ помѣщиками.

нѣтъ господь"... Ну, словомъ сказать, началъ намъ бобы разводять. Мы и рты разинули, что это, молъ, заговорилъ съ нами помѣщикъ почеловѣчески!— „Такъ и такъ“, — говоритъ онъ дальше, — „важное дѣло народная перепись. Кому угодно, пожалуйста ко мнѣ, я вамъ что-то важное скажу, какъ вамъ себя держать во время этой переписи“. Да и двинулъ самъ впередъ къ своей усадьбѣ. А мы все, сколько было, толпой повалили за нимъ. Пришли на дворъ. Онъ взошелъ на крыльцо, осмотрѣлъ народъ, потомъ вызвалъ нѣсколькихъ стариковъ къ себѣ и пошелъ съ ними въ горницу. Стоимъ мы, ждемъ. Приходятъ наши старики. — «Ну-ка, ну-ка, выкладывайте, что говорилъ помѣщикъ, какое дѣло?» А старики наши съдыми головами покачиваютъ да все бормочутъ: «Такъ то такъ! оно, вишь, и правда!»... а потомъ къ намъ: «Пойдемъ въ деревню, нечего тутъ галдѣть на господскомъ дворѣ. Нешто вамъ тутъ мѣсто для совѣта? ... Пошли мы.

— Знаете, люди добрые, господа общество, — заговорили наши старики, когда мы опять собрались на общественномъ берегу, — завтра прїѣдетъ къ намъ перепись. Такъ вотъ помѣщикъ, дай Богъ ему здоровья, велѣлъ намъ предостеречь общество. Обратите, говоритъ, вниманіе на скоть! Они переписуютъ скоть, а потомъ наложатъ на васъ по гульдену подати отъ каждой штуки. А если скажете, что пасете въ лѣсу, такъ еще и отъ лѣса будете платить двойную подать: разъ за лѣсъ, а еще, кромѣ того, за выпасъ. Такъ вотъ, баринъ совѣтуетъ сдѣлать такъ: прежде всего, не говорить, что мы пасемъ въ лѣсу, а, кромѣ того, припрятать часть скота въ лѣсу завтрашній день да при переписи объявлять меньше скота, чѣмъ у насъ есть. Такъ, говоритъ, и въ другихъ деревняхъ дѣлаютъ. А лѣсъ, говоритъ, какъ былъ вашъ, такъ и будетъ, потому что перепись земли не касается».

Посовѣтовались мы, подумали, да и рѣшили послушаться помѣщика. Дурачье, какъ есть! У кого было пять головъ скота, — онъ три въ лѣсъ, а двѣ оставляетъ напо-

казъ; у кого десять, — онъ семь въ лѣсъ, а три оставляетъ. Цѣлое стадо скота со всей деревни согнали въ лѣсъ, въ самыя дебри да заросли, и ждемъ себѣ спокойно переписи. И такъ ужъ тяжело даются намъ эти подати, а тутъ еще помѣщикъ такъ напугалъ насъ новыми, будто-бы, прибавками, что мы и не задумались просто обмануть перепись, лишь бы какъ-нибудь извернуться отъ бѣды.

На другой день, еще рано, такъ до обѣда, перепись, тутъ какъ тутъ, въ деревнѣ. Переписываютъ. Ну, мы все стоимъ на томъ, что было рѣшено, показываемъ какъ можно меньше скота, отпираемся отъ выпаса въ лѣсу, да еще и радуемся, какъ гладко идетъ дѣло. Вотъ, наконецъ, послѣ насъ дошла перепись и до помѣщика. Кое-кто изъ нашихъ пошелъ за ней, поглазѣть. Вдругъ, мало погодя бѣгутъ въ деревню, испуганные, задохлись совсѣмъ... — Что мы надѣлали? — кричатъ — тутъ что-то не такъ, что-то неладно! Ужъ не подвелъ ли насъ помѣщикъ на бѣду? Онъ не только весь свой скотъ записалъ, а еще и нашъ, который въ лѣсу, и комиссія поѣхала туда!

Мы помертвѣли, услышавши такія чудеса. Сейчасъ собрались все гуртомъ и побѣжали въ лѣсъ. Комиссiи тамъ уже не было. Спрашиваемъ пастуховъ: были, говорятъ, господа и нашъ баринъ, что-то писали, считали скотъ, только насъ ни о чемъ не спрашивали. Мы въ деревню опять, а тамъ намъ говорятъ, что комиссія уже уѣхала изъ помѣщичьей усадьбы окольной дорогой. Мы двинули за ней, догнали уже въ другой деревнѣ; такъ и такъ, говоримъ, это, ваши благородія, нашъ скотъ въ лѣсу считали.

— Какимъ образомъ онъ вашъ, когда вы сами сказали, что больше у васъ скота нѣтъ, и что вы въ лѣсу не пасете?

— Да мы то это говорили, намъ баринъ посоветовалъ.

— Такъ чего же вы теперь хотите? Чтобы мы другую перепись для васъ дѣлали, что-ли? Прощайте! Что са-

ми заварилі, то и расхлебывайте! Что написано перомъ, не вырубишь топоромъ! А впрочемъ, что жѣ? вы можете жаловаться, но заранѣе вамъ можемъ сказать, что отъ жалобы вамъ толку не будетъ, а только еще сами въ тюрьму угодите за то, что обманули цезарскую комиссію.

Съ тѣмъ мы и домой пришли. Пропало дѣло,—говоримъ,—посмотримъ, что изъ этого выйдетъ.

Ждемъ годъ, другой. Помѣщикъ опять ладитъ съ нами, только какъ вспомнимъ иногда о переписи, улыбается и говоритъ: „Пустяки, я пошутилъ!“

Вдругъ, на третій годъ, слышимъ, какая-то комиссія ѣдетъ въ деревню, пастбище размѣривать.

— Фу ты, будь ты неладно!—думаемъ—что это, къ чему и зачѣмъ? Вѣдь пастбище то наше искони, зачѣмъ же его размѣривать? Положимъ, мы за послѣдніе годы одинъ кусокъ раздѣлили между обществомъ и вспахали; вотъ и смекаемъ, не для того ли пріѣхали, чтобы промѣрить, сколько мы вспахали, а сколько еще осталось. А комиссія прямо въ барскую усадьбу покатила, отобѣдали, а потомъ на пастбище. Развернули планъ, а помѣщикъ самъ съ ними ходитъ и показываетъ: вотъ отсюда досюда тянется, а это они вспахали.

Подошли мы къ этой комиссіи, кланяемся еще издали, потомъ ближе, опять кланяемся, а комиссія и ухомъ не ведеть. Наконецъ, войтъ осмѣлился и говоритъ:

— Ваши благородія, это наше пастбище, зачѣмъ вы его мѣрите и вѣхи ставите?

— Ты кто такой?—спрашиваютъ госнода.

— Я войтъ здѣшняго общества.

— Ну, и ладно!—отвѣтили они, да опять за свое. Обтыкали вѣхами тотъ кусокъ, что вспаханъ отдѣльно, а остальное отдѣльно. Мы уже съ войтомъ ходимъ за ними да смотримъ, а что они говорятъ, не понимаемъ, потому что по-нѣмецки лопочуть. Потомъ кончили, садятся на повозку. Войтъ за ними, не отстаеть, все выштыываетъ. Тогда одинъ панъ поднимается на повозкѣ и обращается къ намъ:

— Вы, люди, видѣли, какъ мѣрила комиссія пастбище?

— Да видѣть то видѣли,—говоримъ.

— И видѣли, какъ вѣхи ставили?

— И это видали.

— И знаете, что вотъ это тамъ—и указалъ на вснаханый кусокъ—это ваше, общественное, а вотъ это здѣсь—помѣщичье?

— А? что? какъ?...—вскрикнули мы всѣ, какъ ошаренные, да къ комиссіи. Та лататы задала...

На другой день гонять наши пастухи скоть на пастбище, а тамъ уже помѣщичьи слуги: „Пошли вонъ отсюда, это господское пастбище, чтобъ и ноги вашей тутъ не было, не смѣйте!“ Пастухи завернули стадо, гонять въ лѣсъ, а тамъ помѣщичьи лѣсники да дворовые: „Пошли вонъ отсюда, это господскій лѣсъ, не смѣйте шагу ступить за окопъ!“ Пастухи, вѣстимо, дѣти малые, въ слезы; гонять скоть назадъ домой. Гамъ, шумъ въ деревнѣ поднялся такой, словно кто зажегъ деревню съ четырехъ концовъ.

Что тутъ дѣлать? Бабы орутъ: „Мы съ кочергами пойдемъ, мы этимъ барскимъ холуямъ головы раскроемъ!“

Но старшіе мужики угомонили ихъ какъ-то и сейчасъ же выбрали нѣсколько человѣкъ уполномоченныхъ ѣхать во Львовъ къ адвокату, посоветоваться. Выбрали и меня. Поѣхали, нашли адвоката, русина*), заслуженнаго, говорятъ, честнаго. Пришли къ нему, рассказываемъ: таковы, молъ, дѣла. „Что жъ,—говорить,—начнемъ тяжбу. Постарайтесь найти свидѣтелей, документы, денегъ, а пока ведите себя смирно, спокойно, такъ какъ всякій бунтъ можетъ только повредить дѣлу“.

— Да какъ же, баринъ,—говоримъ мы,—какъ же намъ быть спокойными, когда некуда совсѣмъ выгнать скоть? Вѣдь безъ корма-то скоть нашъ какъ, есть весь, подохнетъ!

— Ну,—говорить адвокатъ,—что же я тутъ могу помочь? Выиграемъ дѣло, тогда помѣщикъ долженъ будетъ

*) Малоросса.

возвратить вамъ всё убытки, а пока перебивайтесь, какъ можете.

Съ тѣмъ мы и ушли. Началась тяжба. Сколько мы на нее денегъ ухлопали, одинъ Богъ вѣдаетъ. Я насчиталъ одному адвокату на марки что-то сверхъ семисотъ гульденовъ. Общество тянулось изъ послѣднихъ силъ, хоть и круто приходилось: лѣсъ и пастбище остались въ помѣщичьихъ рукахъ, а мы должны были съ мѣста продать большую часть скота почти даромъ,—нечѣмъ было кормить; остальной сталъ бродить — да и теперь еще бродить—то по гусинымъ лужайкамъ, то по пустырямъ, то по огородамъ. Сады наши отъ этого испортились, пчельники перевелись, а скотинка ходитъ—кожа да кости.

Семь лѣтъ тянулось наше дѣло, словно изъ нашего общества семь лѣтъ жилы тянули. Совсѣмъ мы обнищали за то время, а къ помѣщику—ни ногой, уперлись. Помѣщикъ тоже уперся на своемъ. И въ какихъ мы только судахъ, въ какихъ инстанціяхъ не побывали! И въ округѣ, и въ губерніи, и въ министерствѣ, и, Богъ вѣсть, еще гдѣ. И какъ только мы въ одномъ мѣстѣ проиграемъ—жалуемся; въ другомъ мы выиграемъ—помѣщикъ жалуется, а конца все нѣтъ, какъ нѣтъ. Вотъ, наконецъ,—слава тебѣ Господи!—дождались мы. Приходитъ приставъ, приносить намъ рѣшеніе изъ самаго высшаго министерства. Дѣло такое—чтобы окончить споръ между обществомъ и помѣщикомъ, назначается губернская комиссія, которая должна на спорномъ мѣстѣ все разсмотрѣть, пересмотрѣть документы, выслушать свидѣтелей и дать окончательное рѣшеніе. Для этого обѣ стороны должны въ назначенный день явиться на спорное мѣсто со всѣми своими матеріалами доказательствъ. Рѣшеніе этой комиссіи будетъ утверждено и исполнено безповоротно. Ну, и слава тебѣ, Господи! подумали мы. Теперь ужъ, навѣрняка, наша возьметъ, если комиссія будетъ на мѣстѣ судить. Тутъ каждый можетъ сказать все, что знаетъ по дѣлу, каждого

выслушаютъ, а въ такомъ случаѣ должны же они признать, что правда на нашей сторонѣ.

Нашъ помѣщикъ, получивъ такую резолюцію, что-то очень постную рожу скорчилъ и совсѣмъ было постъ повѣсилъ, но потомъ, видно, что-то придумалъ, сѣлъ въ повозку и покатылъ во Львовъ. Куда онъ ѣздилъ, — неизвѣстно, но два нашихъ человѣка, которые были тогда во Львовѣ, рассказывали потомъ, что видѣли, какъ онъ разгуливалъ по городу съ нашимъ адвокатомъ. Конечно, рассказывали уже тогда, когда все было кончено! Такъ или иначе, только черезъ три дня пріѣхалъ нашъ баринъ изъ Львова, много веселѣе, даже какъ будто довольный. Дивимся мы, да не знаемъ, что оно означаетъ.

Навѣдались и мы къ своему адвокату. Онъ очень обрадовался...—Выиграемъ дѣло,—говорить. —Ясамъ,—говорить,—приду съ вами на спорное мѣсто говорить съ комиссіей. Только за день до того приходите сюда ко мнѣ: войтъ, уполномоченные, свидѣтели, привезите съ собою всѣ бумаги, какія имѣете, надо будетъ пересмотрѣть, посоветоваться. Знаете, какъ передъ битвой на войнѣ готовятся, такъ и намъ нужно приготовиться. Пріѣзжайте пораньше, такъ я каждому скажу, что и какъ ему надо говорить, потому что, видите ли, дѣло запутанное, а послѣ полудня сядемъ на телѣгу и маршъ въ деревню, чтобы въ назначенный день, рано быть на спорномъ мѣстѣ.—

Послушались мы его совѣта да еще и благодаримъ. Собрались мы: войтъ, два уполномоченныхъ и три старшіе хозяина изъ деревни—за свидѣтелей, собрали всѣ старыя бумаги, какія у кого были, и поѣхали въ полночь во Львовъ, за день до пріѣзда въ деревню комиссіи. Приходимъ утречкомъ къ адвокату—нѣтъ его дома, куда то ушелъ, но сейчасъ придетъ, просятъ обождать. Ждемъ мы, ждемъ—нѣтъ адвоката. Уже десятый часъ, одиннадцатый, двѣнадцатый—нѣтъ. Проголодались мы, пошли къ телѣгѣ перекусить. Прибѣгаемъ черезъ минуту, все еще нѣтъ адвоката. Экое несчастье! Уже и первый часъ, и второй, на-

конецъ, и третій,—намъ бы уже и домой пора ѣхать, чтобы къ вечеру быть, а его все нѣтъ. Наконецъ, такъ около четырехъ часовъ, идетъ онъ.—Ахъ, извините,—говорить,—извините, пожалуйста, господа хозяева! но это не моя вина, что я такъ опоздалъ,—былъ въ судѣ при разборѣ дѣла, затянулась защита до этого времени. Но это ничего, мы еще все хорошо успѣемъ сдѣлать. Прошу въ мой кабинетъ,

— А не лучше ли намъ сейчасъ сѣсть на телѣгу да ѣхать въ деревню,—сказалъ я,—тамъ ваша милость могли бы просмотрѣть бумаги и научить насъ, какъ говорить.

— Э, нечего спѣшить,—сказалъ онъ,—успѣемъ еще доѣхать, а просмотръ бумагъ не займетъ много времени.

Пошли мы съ нимъ въ его комнату и сѣли. Бумагъ принесли цѣлый ворохъ. Сталъ онъ ихъ читать: читаетъ, читаетъ, медленно такъ да пристально, иногда спросить насъ что-нибудь, мы отвѣтимъ, онъ опять читаетъ, а тутъ уже и полчаса, а тамъ и часъ и цѣлыхъ два прошло, онъ—ничего. Мы сидимъ, какъ на иголкахъ, мнемся, потѣемъ, а онъ все спрашиваетъ насъ, словно передъ протоколомъ, все бумаги читаетъ, бормочетъ про себя—и конца-краю нѣтъ! Мы уже нѣсколько разъ приставали къ нему: пора ѣхать! А онъ все: сейчасъ, сейчасъ! Да и ну опять читать. Шестой часъ пробилъ, когда онъ дочиталъ. Ну, думаемъ, слава тебѣ, Господи, конецъ уже этому чтенію, поѣдемъ! Да, какъ бы не такъ! какъ началъ нашъ адвокатъ толковать намъ всю тяжбу, отъ самаго начала, пространно да подробно, какъ будто мы совсѣмъ ничего о ней не знаемъ. Говорить, говорить, а мы... какъ только изъ кожи не выскочимъ—вотъ, кажется, такъ бы вскочилъ, плюнулъ ему въ рожу да пошелъ прочь. Да не тутъ то было! Началъ онъ насъ потомъ учить, какъ мы должны передъ комиссіей говорить, и, въ самомъ дѣлѣ, толково училъ! Такимъ яснымъ показалось намъ все дѣло, такъ хорошо каждый понялъ, что ему надо говорить, что любо-дорого! Жаль только, что когда все это кончилось, то пробилъ

уже девятый часъ. Совсѣмъ стемнѣло. Онъ, какъ будто, только теперь замѣтилъ, что поздно, а тутъ еще и гроза стала надвигаться.

— Э, да что это? никакъ ужъ вечеръ?—сказалъ онъ, озираясь.

— Вѣстимо, вечеръ,—отвѣчали мы, какъ осужденные.

— Что же теперь дѣлать? Какъ же намъ ѣхать?

— Развѣ я знаю?—отвѣтилъ я—теперь трудно ѣхать, дорога плохая, да оно и не близко, лѣсами все!..

— Сами не знаемъ, что дѣлать!—сказали наши люди.

— А въ которомъ часу завтра должна пріѣхать коммиссія?

— Въ десять утра.

— Въ десять? Ну, такъ пустяки! переночуете вы здѣсь, а завтра ранехонько встанемъ да и махнемъ въ деревню, такъ, что только пыль взвѣется. Въ восемь будемъ уже тамъ. Вотъ подите, сейчасъ около моего дома есть кабакъ, тамъ кабатчикъ порядочный, тамъ вы переночуете, а завтра, смотрите, не опоздайте, я васъ буду ждать.

Что было дѣлать? Рады не рады, пошли мы. Кабатчикъ словно ждалъ насъ.

— Вы отъ господина адвоката?—спрашиваетъ.

— Да!

— Ну, ну, пожалуйста, найду для васъ мѣсто, почувте себѣ по добру, по здорову! А не надо ли вамъ чего?

— Да ужъ давайте по косушкѣ, лучше спать будемъ.

Выпили мы, легли въ добрый часъ и сразу заснули, словно ко дну пошли. Долго ли мы такъ спали, Богъ знаетъ. Только просыпаюсь я—на дворѣ день. Я къ окну, смотрю на солнце—никакъ полдень! Гляжу я вокругъ—спятъ наши хозяева, какъ бревна! Господи, Ты, Боже мой, да что это такое? Сонъ или явь? Крикнулъ я, что есть мочи—нѣтъ, не сонъ! Они вскочили и тоже скорѣе къ окну. Что же это? уже за полдень? Неужто мы такъ долго спали? Ахти, грѣхъ какой, вотъ бѣда-то! Вьемся мы, какъ

пискарцѣ посоленные, а голова то у всѣхъ кружится, всѣ кости болятъ, словно переломанныя! Зовемъ мы кабатчика: сколько вамъ слѣдуетъ за ночлегъ?—Немного, всего шесть гульденовъ!—Какъ? что? какимъ образомъ?—А онъ, мошенникъ, видитъ, что мы спѣшимъ, что мы разрываемся да губы кусаемъ отъ нетерпѣнія, стоитъ себѣ въ дверяхъ да только улыбается и бороду поглаживаетъ: „У меня такъ всѣ проѣзжающіе платятъ!“

Нѣкоторые изъ нашихъ давай съ нимъ торговаться, да куда тебѣ,—и слова не даетъ сказать! Швырнули мы ему деньги, сколько онъ требовалъ, а сами скорѣй къ адвокату—нѣтъ дома, утромъ онъ ждалъ, ждалъ насъ, а потомъ самъ поѣхалъ, велѣлъ, чтобы мы, какъ можно скорѣе, поспѣшили за нимъ. А наши бумаги?—Бумаги онъ оставилъ, вотъ вамъ ваши бумаги!—Вотъ такъ штука! Поѣхалъ, а бумагъ не взялъ! Боже правый, что съ нами тогда дѣлалось, даже вспомнить страшно! Ну ужъ, думаемъ, тамъ, почитай, безъ насъ дѣло-то рѣшили, общество проиграло! Что теперь намъ люди скажутъ? Какая бѣда ждетъ еще насъ впереди? Мы словно напередъ видѣли все, что насъ ожидало, да оно тогда и нетрудно уже было видѣть все это напередъ!

Помчались мы демой, да уже не въ деревню, а на пастбище,—нѣтъ никого! Мы въ лѣсъ,—нѣтъ никого! А тутъ уже скоро и вечеръ. Мы къ барской усадьбѣ—въ хоромахъ пѣсни, хохотъ, пиръ горой, музыка,—это помѣщикъ комиссію угощаетъ. Глядимъ, анъ и адвокатъ нашъ въ горницахъ, красный, веселый, болтаетъ. Сколько проклятіи унало тогда на его голову, такъ онъ, пожалуй, за всю свою жизнь столько стакановъ вина не выпилъ! Мы уже совсѣмъ одеревенѣли! ничего не говоримъ, ни о чемъ не спрашиваемъ, да и зачѣмъ? Сами знаемъ, что стряслась уже бѣда надъ нами! Стали мы, какъ столпы, на крыльцѣ, стоимъ, ждемъ, а кого и зачѣмъ ждемъ,—и сами не знаемъ. Увидали насъ какъ-то господа, подняли хохотъ въ горницахъ, но къ намъ никто не выходитъ. Барскіе

лакеи идутъ мимо насъ, тоже хохочутъ, издѣваются, поталкиваютъ насъ, но намъ ни слова не говорятъ. Барскія собаки подходятъ, обнюхиваютъ насъ, инныя заворчатъ, а инныя и такъ, тихонько, отойдутъ. А мы ничего, стоимъ тихо, какъ мертвые. Уже свечерѣло, въ горницахъ зажгли огонь, господа и барыни стали пѣсни какіе-то играть, на дворѣ дождь началъ накрапывать, а мы все стоимъ на крыльцѣ, уставились въ эти яркія окна... въ тѣлѣ дрожь, въ сердцѣ отчаяніе...

Наконецъ, уже поздней ночью, отворились двери и начали одинъ за другимъ выкачиваться баре къ своимъ коляскамъ. Прежде всего господа изъ комиссіи.

Самый толстый изъ нихъ остановился, проходя мимо насъ, взглянулъ этакъ грозно и говоритъ:

— Вы кто такіе будете?

— Мы здѣшніе.

— Чего вамъ надо?

— Что съ нашимъ дѣломъ вышло?

— Съ вашимъ дѣломъ? Такъ вы только теперь пришли узнать о немъ? Ахъ вы, пьяницы проклятые! Стоите вы лѣса? стоите вы настбища? А неугодно ли вамъ нищенской сумы? Ступайте-ка домой, да не смѣйте и вспоминать объ этомъ! Не все коту масляница! Не трать, кумъ, силы, спускайся на дно!

Вся комиссія захохотала, сѣла на повозки и уѣхала. За комиссіей вышелъ нашъ адвокатъ, крадучись, какъ воръ, смущенный, какъ будто пьяный.

— А, вы здѣсь, вы здѣсь?—лепеталъ онъ,—я ждалъ васъ, ей-ей, ждалъ, отчего вы не приходили?

— А много вамъ нашъ помѣщикъ заплатилъ, чтобы вы насъ задержали въ городѣ, пока тутъ комиссія разсудитъ въ его пользу?

— Что? какъ? А! оскорбленіе!..—лепеталъ онъ, садясь на повозку, и дернулъ, что есть духу, со двора.

— Чтобъ ты себѣ шею сломалъ!—крикнули мы ему вслѣдъ. Да и то напрасно,—не сломалъ шеи, собака!

Какъ вдругъ и нашъ помѣщикъ словно выросъ передъ нами. Онъ стоялъ, пошатываясь, на порогѣ отворенной двери.

— Хе-хе-хе, — говорилъ онъ съ пьянымъ хохотомъ, — господа общество, граждане, излюбленные люди, уполномоченные, а что тамъ слышно? Какъ идетъ дѣльце? Ничего, ничего! Но погодите-ка вы, я васъ теперь стану умуразуму учить! Теперь вы будете подъ мою дудку плясать! Я вамъ себя покажу, будете знать!

И сдержалъ слово! Такъ насъ всѣхъ прижалъ, что идохнуть некуда. Положимъ, общество не сразу поддалось. Подали мы жалобу, ея не уважили. Тогда мы рѣшились силой защищать свое право, да этимъ только хуже себѣ повредили. Бабы, дѣти, мужики, старики, всѣ гурьбой повалили изъ деревни, чтобы не дать помѣщику занять пастбища. Помѣщикъ вызвалъ войско. Мы понадали передъ войскомъ на землю и кричали: „хоть топчите насъ, хоть стрѣляйте, а мы не сойдемъ съ этой земли, она наша!“ Но войско и не стрѣляло и не топтало, а только раздѣлилось на двѣ роты да и двинуло на лошадяхъ прямо по хлѣбамъ, черезъ заборы въ деревню. Пришлось и намъ вернуться. Два мѣсяца стояли солдаты въ нашей деревнѣ, все, что было получше изъ скота, перебили и съѣли, всѣхъ насъ разорили, а когда уѣхали, помѣщикъ нашъ могъ уже быть покоенъ: общество было сломлено, разорено вконецъ, оставалось только самимъ отдаться въ руки помѣщику.

Вотъ такова-то наша судьба. Будетъ ли когда-нибудь лучше, приведется ли хоть передъ смертью вольготнѣе вздохнуть, — Господь вѣдаетъ. А только помѣщикъ изо всѣхъ силъ старается, какъ бы насъ связать еще потѣснѣе, да посильнѣе прижать. Пять кабаковъ открылъ въ деревнѣ, школы нѣтъ, священника выбралъ себѣ такого, что его сторону держить, живемъ мы, какъ быки подъяремные, уже и дѣтямъ своимъ не подаемъ надежды на лучшую жизнь...



118 Суздальцевъ.—Рич. Остлеръ. . . 3	167 Пѣсни барцовъ—Сб. стихотв. . . 3
119 Крюковъ—Въ родныхъ мѣст. . . 5	168 Конопницкая—Юзефово . . . 1 1/2
120 Короленко—Госуд. ямщики . . . 7	169 Гапъ—Истин. народн. предст. . . 4
121 М. Конопницкая—Яктопъ . . . 1 1/2	170 Дѣти рабочихъ 3
122 А. Яблоновскій—Нухимъ . . . 3	171 Серафимовичъ—Подъ землей . . 3
123 П. Бутошинъ—Случай № 212 . . 1	172 О. Зновицъ.—Въ чертъ осѣдл. 1 1/2
123 С. Русова—Какъ болгары добыли себѣ свободу 6	173 Ив. Наживинъ—Братья 2
125 В. Короленко—На затменіи . . . 3	174 Ивановичъ—Не понравилось . . 2
126 Сказка о четырехъ братьяхъ . . 4	175 Русова—Своб. респ. Швейц. . . 4
127 Юшкевичъ—Кабат. Гейманъ . . . 4	176 Партія и крестьяне въ Г. Дум. . 15
128 Наживинъ—Въ стени 1 1/2	177 Новиковъ—Враги народа . . . 15
129 Конопницъ.—Мевдель Гданскій . . 3	178 Г. Джорджъ, его жизнь и учен. . .
130 Пругавинъ—Милліонъ 6	178 ² Костинъ—Одинъ 2
131 Осиповичъ—Въ лѣтнюю ночь . . 2	179 Шевченко—Изб стих (малор). . . 3
132 Гези—Благодѣтельность 2	180 Поливановъ—Кончился
133 Дикштейнъ—Кто чѣмъ живетъ . . 3	181 Какъ мужичекъ въ долгу ост. . .
134 Какъ нѣмцы доб. себѣ своб. . . . 3	182 Не въ мороту
135 Короленко—Чудная 3	183 Почему бѣдна Россія
136 Бакур.—Какъ выб. нар. пред. . . 1	184 Пѣсни рабочихъ 2
137 Разрушенный молъ 1	185 Ибаньесъ—Должн. лицо (нал.) . . 2
138 Успенскій—Неизлѣчимый 5	186 Товарищъ, не измѣняй 1
139 Погорѣловъ—Въ глуши 2	187 Народный трибунъ Бабефъ 1
139 ¹ Бушинъ—Черноземъ 2	188 Львовъ—Общ. прав. о землѣ . . . 4
140 Л. Андреевъ—Предст. кража 1 1/2	189 Волкенштейнъ—Почему треб. своб. личности 1
141 Конопницкая—Дымъ 1 1/2	190 О. В. Почему треб. своб. сход. . . 1
142 Національное собраніе 1 1/2	191 Анг. рабоч. прежде и теперь . . . 4
143 Амичисъ—Красная гвоздика . . . 2	192 Какъ гссн. 1-е мая празднов. 1 1/2
144 Мѣстное самоуправленіе 3	193 Что видно въ подзор. трубу . . . 2
145 Права человека и граждан. 1 1/2	194 Голубевъ—Что сказали наши представит. Царю 4
147 Бирскій—Безъ исхода 3	195 Голубевъ—Что министры сказали нашимъ представит. . . 2
148 О земельномъ вопросѣ 2	196 За свободу—Сб. стихотв. 2
149 Сонъ подъ 1-е мая 3	197 Волкенштейнъ—Женщ. изб. 1
150 ¹ Пауки и мухи 1	198
150 ² Павуки та мухи 1	Въ помощь читат. раз- бор. нов. кн
153 Что такое государ. роспись . . . 3	Аграрный вопр. 5
153 ² Джаво—(съ арм.) 1 1/2	Рабоч. вопросъ 5
154 Областное народоправіе 1	Избират. право 5
155 Національн. рада (на малорос.) . 1	Историческія книги 5
156 О налогахъ (Хитрая механика) . . 2	1. 8 ⁶ Беллетристика 5
157 Свѣтъ... Свѣтъ... Свѣтъ... . . .	198 ⁷ Практичес. политэка 5
158 Какъ франц. добыли свободу . . . 3	198 ⁹ Аграрн. вопросъ в. II 5
159 Л. Толст. Неуж. такъ надо? . . . 3	199 Мельшицъ—Школа въ катор. . . 7
160 Л. Толстой—О смерт. казни . . . 3	200. Короленко. Сонъ Макара. 6
161 Новиковъ—Женщ.-тов.-мужч. . . . 1	200 ² Наши братья 5
162 Что такое тайн. под. голосовъ . . 4	402 Русова—Луиза Мишель 8
163 Радловъ—Котлочистъ Ваня 4	404 Питемець воспитател. дома . . . 5
164 Проектъ основ. зак. о землѣ . . . 6	406 Юшкевичъ—Ита Гайне 12
165 Журавлевъ—Убийство 3	408 Брусянинъ—Заразные люди . . . 2
166 Юшкевичъ—Левко Гемъ 3	

Главный складъ: Ростовъ на Дону, Казанская ул., 42.

ОТДѢЛЕНІЯ: въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Тифлисѣ и Томскѣ.
Лица, выписывающ. на 3 р., за пересыл. не платятъ. Книжн. маг. 30% скид.
Выписыз. изъ Ростовск. склада свыше 20 р. въ Европ. Рос. за перес.
по желѣзн. дор. не платятъ.

Изданія Н. Парамонова „Донская Рѣчь“ въ Ростовѣ на Дону.

1	Короленко—Пріемышъ	2	59	Пѣсни труда	8
2	Дмитріева—Майна-вира	3	60	Темный—Спроткинъ	3
3	Чириковъ—Маленькій грѣшн.	1	61	Сазановъ—Въ пути	3
4	Андреевъ—Баргам. п Гараськ. 1 ^{1/2}		62	Бунинъ—Надъ городомъ	1
5	Бретцеръ—Исторія чернаго сюртука	1	63	Елпатьяевскій—Отл мой сок.	2
6	Крандіевская—Для души	2	64	Станюковичъ—Эмигрантъ	3
7	Чириковъ—Свинья	2	65	Избр. стихот. Надеона	3
8 ²	Н.-Данченко—Старый замокъ	3	66	Андреевъ—Ангелочекъ	3
9	Свирскій—Забракованный	2	67	Андреевъ—Жили-были	3
10 ²	Костинъ—Ошибка	3	68	Скиталець—Атаманъ	2
11	Дмитріева—Ее всѣ знаютъ	3	69	Серафимовичъ—Въ казачкахъ	2
12	Станюковичъ—За „Щуплень“.	2	70	Бѣлоконскій—За что и почему	3
13	Митропольскій—Вода	2	71	Яблоновскій—Завѣтн. мечта	3
14 ²	Серафимовичъ—Местъ	3	72	Елпатьяевскій—Присяж. зас.	2
15	Мельшицъ—Искорка	3	73	Вересаевъ—Къ снѣху	1
16	Мельшицъ—Чортовъ яръ	4	74	Серафимовичъ—На льдинѣ	3
17	Андреевъ—Гостинець	2	75	Мельшицъ—Маленькіе люди	4
18	Андреевъ—Петька на дачѣ	2	76	Булгаковъ . Что за стр. Япон.	5
19	Дмитріева—Мама на войнѣ	3	77 ²	Яковлева—Свидѣтель	8
20	Андреевъ—Въ Сабуровѣ	2	78	Телешевъ—Хлѣбъ-соль	1 ^{1/2}
21	Бѣлоконскій—Страховка	2	79 ²	Русова—На счаст. остров.	6
22	Ивашева—Мой день	2	80	Короленко—Соколинецъ	7
23	Короленко—Ночью	5	81	Чириковъ—Коля и Колька	2
24	Тимковскій—Среди людей	5	82	Елеонскій—Огорченіе	3
25	Русова—Біограф. Гарибальди	4	83	Русова—Братья Гракхи	3
26	Отч. Пар. не выуч. грам.	3	84	Телешовъ—Нужда	1 ^{1/2}
27	Златовратскій—Мечтатели	4	85	Изб. ст. А. Толстого и др. поэт.	3
28 ²	Н.-Данченко—Махмуд. дѣти	3	86 ²	Молодая жизнь	7
29	Оженко—Гедали	3	87	Золя—Кровь	3
30	Юшкевичъ—Хаимка и Юська	2	88	Бѣлоконскій—Фейга	3
31	Вересаевъ—Въ пути	1	89	Успенскій—Будка	3
32	Франко—Самъ виноватъ	1 ^{1/2}	90	Короленко—Мгнов. и Огоньки	2
33	Алексѣевъ—Изъ-за хлѣб. нас. 1 ^{1/2}		91	Пѣсни мира Сборн. стихот.	2
34	Серафимовичъ—Стрѣлочникъ	3	92	Н.-Данченко—Соловьи. ночь	1
35	Вересаевъ—Въ сух. туманѣ	2	93	Бѣлоконскій—Страш. мѣсто 1 ^{1/2}	
36	Митропольскій—Отерочка	1	94	Мирбо—Бродяга	1
37	Яблоновскій—Удружилъ	1	95	Гези—Антуанъ Матъе	3
38	Франко—Хорош. заработокъ	1	96	Тимковскій—Травля	5
39 ²	Мать (съ армянскаго)	1 ^{1/2}	97	Наживинъ—Волосъ Мадонны	1
40	Остон—Поденшикъ	2	98	Франко—Къ свѣту	3
41	Некрасовъ и Никитинъ	4	99	Чириковъ—Въ отставку	7
42	Бунинъ—Байбаки	3	100	Зарницы—Сборникъ стихот.	5
43	Петровскій—Не дался	1	101	Андреевъ—На станціи	1
44	Дмитріева—Бѣлыя крылья	2	102	Бунинъ—На край свѣта	1 ^{1/2}
45	Серафимовичъ—Въ бурю	3	103	Рубакинъ—Искорки	5
46	Яблоновскій—Копокрадъ	3	104	Короленко—Марусина записка 10	
47	Франко—На днѣ	9	105	Н. Я. (Мельшицъ)—Избр. стпх.	5
48 ²	Какъ сицил. крест. боролись	6	106	Андреевъ—Въ темную дадь	3
49	Н.-Данченко—Воскр. пѣснь	5	107	Андреевъ—Валя	2
50	Вересаевъ—Повѣтріе	4	108	Вересаевъ—Объ одномъ домѣ	3
51	Бѣлоконскій—Дерев. Печаль	3	109	Короленко—Послѣдній лучъ	3
52	Дмитріева—Волки	3	110	Короленко—Морозъ	4
53 ²	Мирбо—Война	3	111	Мельшицъ—Въ плѣну	3
54	Митропольскій—На плотяхъ	3	112	М. Сибирякъ—Въ худыхъ душ.	4
55	Короленко—Черкесъ	4	113	Чириковъ—Танино счастье	7
56	Вересаевъ—Звѣзда	1 ^{1/2}	114	Рубакинъ—Книгоноша	20
57	Телешовъ—Противъ обычая	2	115	В. Короленко—Сказаніе о Флорѣ	3
58	Яблоновскій—Въ консулт.	3	116	Андреевъ—Весеннія обѣщанія	3
			117	Наживинъ—Ложь	1 ^{1/2}